

Увидев выражение лица мужа, Сун Сижун тут же подошла ближе. Пробежав глазами по строчкам письма, она отшатнулась, словно от удара.

Недавно в городе вспыхнула чума. Хотя эпидемию удалось быстро взять под контроль, заразившихся было немало. Помимо лекарей и их учеников из нескольких городских лечебниц, госпожа Хо мобилизовала даже военных врачей. Но целителей всё равно катастрофически не хватало. Тогда она собрала отряд из самых смелых и здоровых женщин, чтобы те помогали варить лекарства для недужных.

Цзюнь Шувань тоже вызвалась, но хозяйка поместья ей отказала. Пусть работа и заключалась лишь в приготовлении отваров, без прямого контакта с пациентами, риск заражения всё же оставался. Разве можно сравнить это с безопасностью в резиденции Хо?

Но девчужке смелости было не занимать.

Когда рук для ухода за больными стало совсем не хватать, и жена генерала каждый день ломала голову над решением проблемы, Вань'эр снова пришла к ней с той же просьбой. Госпожа Хо, разумеется, и слышать об этом не хотела. Случись с девушкой беда, как бы они потом смотрели в глаза её брату? Ведь он подарил им и улучшенный ткацкий станок, и спирт для обеззараживания, и множество других способов борьбы с эпидемией. Совесть просто не позволила бы им и дальше пользоваться всем этим.

Однако Цзюнь Шувань, хитрая и находчивая, нашла способ обойти запрет. Она переоделась, незаметно присоединилась к женщинам, варившим лекарства, и вместе с ними покинула резиденцию через боковой двор. А оттуда — напрямик в самое опасное место, в лагерь для больных.

Да, именно в лагерь.

Как только у кого-то обнаруживали признаки болезни — будь то чиновник, богатый купец, простой горожанин или даже бродяга — всех немедленно отправляли в одно место для изоляции и лечения. Это делалось для максимальной экономии медицинских ресурсов, ведь болезнь была одна, и лечили всех одинаковыми снадобьями, разделяя лишь на тяжёлых и лёгких больных. Кроме того, это помогало сдержать распространение заразы.

По современным меркам такой подход вряд ли можно было назвать научным, но для пограничного города это был самый эффективный способ борьбы с эпидемией. Пациентов было много, за порядком следили солдаты, и место это в народе прозвали «лагерем для больных».

Женщины, варившие отвары, не контактировали с пациентами. После тщательной дезинфекции они каждый день возвращались в специально отведённый для них флигель в резиденции Хо. Но те, кто входил в сам лагерь, не могли покинуть его до полного окончания

эпидемии.

Когда госпожа Хо узнала о поступке Вань'эр, она пришла в отчаяние. Но чума — не шутка, и её муж издал строжайший приказ: все меры по борьбе с эпидемией должны соблюдаться неукоснительно, а нарушители подлежат военному суду. Она, как жена генерала, не могла пойти против приказа, иначе он потерял бы всякую силу.

К тому же, Цзюнь Шувань оставила ей письмо, в котором просила не забирать её, уверяя, что у неё всё продумано.

Так среди врачей и их помощников, сплошь мужчин, появилось яркое пятно в лице Цзюнь Шувань. Каждый день она трудилась не покладая рук, не жалуясь ни на страх, ни на усталость. Дело было не в том, что она не дорожила жизнью или безрассудно полагалась на лекарства брата. Цзюнь Юй как-то сказал, что его дочь — девушка со своими взглядами и твёрдым мнением. И он был прав.

В первую же ночь в резиденции Хо Цзюнь Шувань долго размышляла. В столице она была Цзюньчжу, сестрой наследного принца. Все знали, что, когда её брат взойдёт на трон, её положение станет ещё более высоким, и потому все относились к ней с почтением. Пятнадцать лет она прожила как маленькая беззаботная Цзюньчжу Аньлэ. Но во время ссылки её могли защитить лишь отец и брат.

Когда они обосновались в пограничном городе, ей поначалу было трудно привыкнуть к новой жизни. Но мысль о том, что семья снова вместе, что родители и брат делают всё возможное, чтобы наладить быт, помогла ей постепенно освоиться. Она начала вживаться в это место.

Всё изменилось в тот день, когда жених одной из деревенских девушек устался на неё, а сама девица осыпала её бранью. Тогда Цзюнь Шувань по-настоящему осознала, что она теперь обычная простолюдинка. Даже хуже — она была ссыльной.

Дома, под защитой родных, её никто не осмеливался оскорблять. Она могла бы и дальше сидеть в четырёх стенах, вышивать и читать книги. Но пограничный город был слишком беспокойным местом. Даже в их деревне то и дело случались грабежи. Родители и брат не могли постоянно быть рядом. Поэтому они и решили отправить её в резиденцию Хо. Служанка, подающая чай, под покровительством госпожи Хо и благодаря заслугам брата — ей даже не приходилось много работать.

В ту первую ночь, укрывшись с головой одеялом, она думала.

«Неужели мне действительно нужно, чтобы меня защищали каждое мгновение?»

Посмотрите на госпожу Хо. Даже если отбросить её статус жены генерала, она всё равно остаётся Старшей госпожой из семьи Жуань, которую уважают все в пограничном городе. Ещё до замужества она пользовалась большим авторитетом. Она могла ходить по улицам без

охраны, и ни один негодяй не смел к ней приблизиться.

Вань'эр, конечно, не смела сравнивать себя с ней. Но она поняла одну простую истину.

«Только когда стоишь на своих ногах — это настоящая опора».

Родители и брат не возражали бы и дальше опекать её в безопасном мирке. Возможно, они уже строили какие-то планы на её счёт. Но ей самой хотелось однажды стать для семьи защитой.

Её поступок, конечно, был рискованным. Но у неё были лекарства брата, она приняла все меры предосторожности, каждый день тщательно дезинфицировала одежду, да и здоровье у неё всегда было отменное.

Цзюнь Шувань знала, что родители рано или поздно всё узнают, поэтому решила написать им сама. В письме она подробно всё объяснила, приуменьшив ужасы лагеря для больных и превознося чудодейственную силу лекарств брата. Всё для того, чтобы они меньше волновались.

Но разве могли Цзюнь Юй и Сун Сижун не волноваться? Дочь с детства была их сокровищем. Если бы не крайняя необходимость, разве отпустили бы они её от себя?

Исход нынешней эпидемии, по сравнению с теми, о которых им доводилось слышать, был куда более благополучным, но всё же больше тысячи человек погибли. Согласно плану Цзюнь Цюланя, тела всех умерших немедленно сжигали. Рабочие, которые были заперты в городе, наконец-то вернулись и рассказывали, что дрова для погребальных костров подвозили полными телегами ежедневно. От таких рассказов кровь стыла в жилах.

— Хорошо хоть, с Вань'эр всё в порядке, — вздохнул Цзюнь Юй.

— Говорят, скоро пришлют нового префекта, а Лань'эр собирался строить дом. Давай заберём её, — со слезами на глазах проговорила Сун Сижун.

Отец покачал головой.

— Вань'эр выросла. Пережив столько невзгов, она обрела собственные взгляды на жизнь.

Он обнял жену за плечи.

— Пусть её поступок и был рискованным, но она заслужила уважение солдат. Она сама добилась этого. Возможно, ей это нужнее, чем наша опека. Она хочет вырасти в могучее дерево, а не оставаться нежным цветком.

— Но она же девочка! — всхлипнула Сун Сижун. — Дома вы с Лань'эр всегда могли защитить её от всех бед. Даже сейчас вы для неё — надёжная опора. Зачем ей так стараться?

Цзюнь Юй улыбнулся.

— Дорогая, представь на мгновение, что мы с Лань'эр не можем зарабатывать на жизнь, а Вань'эр не может выйти из дома. Что бы ты сделала?

— Разумеется, нашла бы способ заработать и прокормить семью.

Сказав это, она замолчала.

Муж снова улыбнулся.

— Видишь. Ты тоже захотела бы стать опорой для нас. Желание нашей дочери ничем не отличается от твоего, просто она выбрала более радикальный путь. Когда она вернётся, мы спокойно с ней поговорим. Если она хочет сама пробить себе дорогу, мы с Лань'эр подумаем, как облегчить ей этот путь.

Если однажды она столкнётся с трудностями и устанет, дома её всегда будут ждать наша любовь и поддержка. Мы не должны с самого начала перекрывать ей дорогу, которую она выбрала сама.

Сун Сижун вздохнула.

— Ты у меня начитанный, с тобой не поспоришь.

Но в глубине души она понимала, что муж прав. Они не могут вечно быть рядом, и Вань'эр не может всю жизнь прожить служанкой. Если она хочет сама построить свою судьбу, они должны её поддержать.

— Когда Лань'эр сегодня вернётся, покажем ему письмо, — сказал Цзюнь Юй, видя, что жена немного успокоилась. — Думаю, нам стоит написать ей ответ, иначе она, чего доброго, побоится возвращаться домой.

Цзюнь Цюлань сегодня снимался в своей последней сцене для «Стратегии наложницы сына». Специально для этого выбрали день с морозящим дождём, в расчёте на то, что после обеда выглянет солнце. Съёмочная группа выехала на гору Цинфэн, найдя там место с подходящим пейзажем.

Юноша и Цюй Фэн сидели на маленьких складных стульчиках под большим зонтом. На площадке были и другие актёры, но у Цзюнь Цюланя с ними почти не было общих сцен. Иногда они сталкивались и обменивались вежливыми кивками — и то лишь после того, как он стал известен в сети. С братом Фэном же у них было много совместных сцен, и они хорошо поладили.

— Сегодня у меня сольная сцена. Зачем ты потащился сюда в такой дождь? — спросил актёр.

Они уже настолько сблизились, что могли говорить друг с другом без обиняков.

— А что мне ещё делать? У меня сегодня выходной, — вытянув ноги, ответил коллега. — Ты же сегодня заканчиваешь, вот я и пришёл посмотреть.

На самом деле, его одолевали смешанные чувства. Мастерство Цзюнь Цюланя росло слишком быстро. Вначале его взяли на роль молодого господина Циу из-за подходящей внешности, но в актёрской игре ему явно не хватало опыта. Хуже всего было то, что он не знал элементарных вещей о съёмочном процессе. Впрочем, это было простительно для новичка из массовой.

Но сейчас юноша был уже зрелым актёром, который идеально вжился в образ. Говорить, что он оттачивал мастерство, продолжая сниматься в эпизодах, было бы смешно. Разве можно научиться игре там, где твоего лица даже не видно в кадре? Нет, всё дело было в том, что Цзюнь Цюлань упорно работал над собой в свободное время.

— Возможно, ты просто рождён для этой профессии, — по-отцовски похлопал его по плечу Цюй Фэн.

— Что ж, пусть твои слова окажутся пророческими, брат Фэн, — улыбнулся актёр. — Надеюсь, нам ещё доведётся поработать вместе.

— Обязательно! Можешь на меня положиться.

Цюй Фэн был в индустрии уже несколько лет. Если он не наделает глупостей, его карьера будет стабильно развиваться. Если ему предложат главную роль, он вполне может устроить Цзюнь Цюланю прослушивание.

— Тогда заранее благодарю, — с улыбкой ответил юноша.

— Эй, это же реквизит. Зачем ты его взял? — заметил собеседник цитру в руках актёра.

— Она понадобится для сцены. Хочу привыкнуть к ней.

Он тронул струны, издав несколько звуков.

— Хватит! — Цюй Фэн зажал уши. — Просто сделай вид, что играешь. Всё равно звук будут накладывать потом. Главное — эмоции.

Цзюнь Цюлань снова улыбнулся и принялся настраивать инструмент. Коллега не разбирался в музыке и не понял, что тот делает.

— Кстати, ты закончил съёмки в качестве дублёра рук?

— Да, — кивнул юноша. — Изначально всё должны были снять за один день, но потом добавили ещё две сцены.

Разумеется, за эти две сцены ему доплатили три тысячи юаней. Легкие деньги. Он решил, что при случае подарит Янь Цзину ещё одну свою каллиграфическую работу. Тот, похоже, не нуждался в деньгах, и обычный подарок мог его не впечатлить. Оставалось лишь то, что Цюлань умел делать лучше всего, — каллиграфия и живопись.

Цюй Фэн тем временем перешёл к сплетням.

— Ты видел Фу Сяо? А его руки? А? — Собеседник хихикнул. — Правда такие некрасивые?

Цзюнь Цюлань не смог сдержать смех.

— Не видел. Сцены с дублёром снимают отдельно.

Но поскольку об уродливых руках киноимператора говорили все, он из любопытства поискал информацию в сети... Что ж, они действительно выглядели ужасно на контрасте с его красивым лицом.

— Ты же знаком с Янь Цзином, — продолжал коллега. — В сети ходили слухи, что они пара. У тебя нет какой-нибудь инсайдерской информации? Обещаю, никому не скажу. Чистое любопытство.

Юноша был поражён.

— Но... но они же оба мужчины.

— И что с того? Времена меняются, — беззаботно отмахнулся Цюй Фэн. — Вижу, ты не в курсе. Эх, не того я спросил. Ты, поди, ещё и не влюблялся ни разу. Кстати, вам, даосам, можно жениться?

Разговор принимал всё более странный оборот. В даосизме было много разных школ. В той, к

которой принадлежал наставник Цинхэн, жениться разрешалось, но ни у кого из монахов не возникало такого желания. У Цзюнь Цюланя — тем более. С кем ему было строить отношения, когда его жизнь проходила между двумя мирами?

От скуки Цюй Фэн болтал без умолку. Режиссёр Чэнь тем временем уже всё подготовил.

— Теперь ждём солнца после дождя.

Конечно, можно было использовать спецэффекты, но это стоило денег. Если есть возможность снять вживую, лучше так и сделать. Потом просто убрать из кадра опоры канатной дороги. Природа здесь была великолепна и идеально подходила для сцены, в которой молодой господин Циу, отомстив за свою семью, находит уединение.

— Сегодня обязательно должно проясниться, — вздохнул режиссёр Чэнь. — Иначе потеряем целый день.

— А по-моему, в дожде тоже есть своя прелесть, — вставил Цюй Фэн. — Месть свершилась, ливень как символ очищения.

— Мысль неплохая, но общая атмосфера получится слишком гнетущей. Солнце после дождя лучше соответствует настроению сцены.

— Думаю, скоро прояснится, — подняв голову к небу, сказал Цзюнь Цюлань.

Прогнозы погоды в этом мире были на удивление точны. Словно его слова были заклинанием, не прошло и десяти минут, как дождь прекратился.

— Быстрее, готовимся! — засуетился режиссёр Чэнь. — Постараемся снять с одного дубля!

Реквизит расставили, актёру поправили грим. Съёмка началась.

Тучи рассеялись, открывая пронзительно-голубое небо. Лес, облака, пение птиц. И благородный господин, играющий на цитре на краю утеса. Картина была невероятно красивой. Цзюнь Цюлань полностью вошел в образ. Его пальцы легко коснулись струн.

Глаза режиссёра загорелись. Парень действительно потрудился. Но через несколько мгновений он понял, что юноша не просто делает вид, а по-настоящему играет. Мелодия была незнакомой и очень красивой. В этот момент луч солнца коснулся его лица, и звуки цитры стали радостными. Это идеально соответствовало образу молодого господина Циу.

Режиссёр Чэнь изначально планировал использовать фоновую музыку. Но теперь он понял, что игра актёра подходит куда лучше. Вот досада! Он ведь не подготовил звукозаписывающее

оборудование. Режиссёр хлопнул себя по бедру, сокрушаясь об упущенной возможности.

Мелодия закончилась. На губах героя играла улыбка облегчения.

— Отлично, снято! — крикнул режиссёр и велел подать цветы. — Молодой господин Циу, сегодня вы заканчиваете съёмки!

— Поздравляю! Успехов в будущем! — присоединился Цюй Фэн.

Площадка взорвалась аплодисментами. Цзюнь Цюлань впервые оказался в такой ситуации и был тронут. Он поклонился всем в старинной манере.

— Благодарю всех за заботу в эти дни.

— Всё ещё не вышел из образа? — усмехнулся режиссёр Чэнь. — Ты раньше не говорил, что умеешь играть на цитре.

— Я лишь немного знаком с инструментом, не смел хвастаться, — смущённо улыбнулся юноша.

— Мне очень понравилось. У меня к тебе просьба: не мог бы ты как-нибудь сыграть эту мелодию ещё раз для записи? Я хочу использовать её в фильме. Кстати, как она называется?

Цзюнь Цюлань не знал, что ответить. Он просто решил сыграть что-то, что соответствует настроению сцены. Это была мелодия из Дашэна. Он назвал её старинным произведением неизвестного автора.

— Хорошо. О времени записи договоримся позже. Если завтра закончим пораньше, поужинаем вместе. Учитель Цзи Хун тоже придёт.

Цзюнь Цюлань, разумеется, согласился.

— Не пропадай, — Цюй Фэн помахал телефоном. — И помни о моём предложении.

Юноша усмехнулся. Он знал, что коллега имеет в виду контракт с их агентством.

Собрать вещи и спуститься с горы Цзюнь Цюлань помог остальным. Цюй Фэн снова подошёл к нему:

— Кстати, твой даосский храм ведь на этой горе?

— Да, — кивнул актёр. — Только ещё часа два-три пешком вверх. Называется Даосский храм Цинфэн.

Собеседник тут же передумал идти смотреть.

— Канатную дорогу ведь уже починили? Когда закончим съёмки, лучше поднимемся на ней.

Цзюнь Цюлань посмотрел на длинную нить канатной дороги. Несколько дней назад он уже опробовал её, когда доставлял наставнику Цинхэну еду из «Кайфэнцай» и шанхайские закуски. Старик даже спустился с ним в город и провёл там полдня. Пока что дорога работала бесплатно для монахов и персонала. Теперь добраться станет гораздо удобнее.

Съёмки в «Стратегии наложницына сына» были завершены. Не успел Цзюнь Цюлань дойти до дома, как поступил гонорар. Он довольно улыбнулся, глядя на баланс. Крупных покупок не предвиделось, поэтому он зашёл в супермаркет и купил продукты для дома. Теперь можно было не искать самое дешёвое.

Он взял ароматный длиннозёрный рис, мясо, яйца, молоко и фрукты — всё самое лучшее. Когда он принёс домой гору продуктов, родители не знали, радоваться им или удивляться. Кто бы мог подумать, что недавно они делили две чашки риса на несколько дней.

— Ладно, отец, мать, давайте уберём всё в погреб.

Вход в него сделали прямо в спальне родителей. Погреб вырыли ночью, втайне от всех. Юноша даже купил водонепроницаемую пленку для защиты от сырости. Там поместились стол и шкаф, а света от лампы было достаточно. Теперь всё из другого мира можно было хранить там.

— Ах, да, это письмо от твоей сестры, — вздохнула Сун Сижун. — Ты, как старший брат, должен с ней поговорить. Пусть строит свою судьбу, но не так же рискованно.

Карантин сняли, и Цзюнь Цюлань ожидал, что Вань'эр вот-вот вернётся. Но вместо неё пришло письмо. Прочитав его, он всё понял. Сердце сжалось от жалости, но в то же время он чувствовал гордость. В другом мире он видел много независимых женщин и не находил в стремлениях сестры ничего плохого.

Однако они не успели дождаться возвращения Цзюнь Шувань. В пограничный город наконец-то прибыл их двоюродный брат Сун Тин. Точнее, он прибыл давно, но из-за эпидемии жил в лагере за городской стеной. И только сегодня, обратившись в управу, он смог их разыскать.